

Н. Стариков

Протоколы допроса Колчака — важнейшее свидетельство истории

Александр Васильевич Колчак стал широко известен и вошел в историю благодаря революции, с которой всячески пытался бороться. Такой вот парадокс. Не случись в Феврале 1917 года предательского государственного переворота и крушения русской государственности, к адмиралу Колчаку могла прийти известность совершенно иного рода.

Именно ему, смелому и решительному человеку, государь Николай II доверил осуществление важнейшей операции Первой мировой войны — высадку десанта в турецких проливах с целью захвата Босфора и Дарданелл. Россия должна была взять под контроль то, что на протяжении веков сдерживало наш выход в Мировой океан. С июля 1916 года Колчак был назначен командующим Черноморским флотом и очень быстро, осуществив минные постановки, заставил турецкий флот «сидеть» в гавани. Десантные дивизии отрабатывали навыки высадки — все было готово. Удары Антанты по противнику планировались на апрель 1917 года.

И тут произошла революция, которая перечеркнула не только все планы страны, но и личные планы каждого из подданных русского царя¹. Вместо победы и триумфа нашему государству

¹ Подробнее об организации революции 1917 года нашими «союзниками» по Антанте см.: Стариков Н. В. 1917. Разгадка «русской» революции. — СПб.: Питер, 2011.

была уготована братоубийственная война¹. Вместо прираще-
ния важнейших территорий — потери окраин и отпадение
Финляндии и Польши. Так и адмирал Колчак вместо участия
в боях с флотом противника очень скоро оказался за гра-
ницей по приглашению президента США Вудро Вильсона.
Потом он даже поступил на службу Великобритании, пройдя
своеобразный «кастинг». В октябре 1918 года в одном купе
с английским генералом А. Ноксом Колчак прибыл в Омск,
где, не имея ни сторонников, ни команды, ни заслуг в борьбе
с большевиками, 4 ноября 1918 года был назначен военным
и морским министром «Сибирского правительства». Спустя
всего две недели, 18 ноября 1918 года, в Омске произойдет
военный переворот, опереточное правительство будут аресто-
вано, а Колчак фактически назначен англичанами Верховным
правителем России². Адмирал приступил к командованию
сухопутными армиями, которые должны были покончить
с большевиками. Он стал главой политической власти в стране,
к чему никогда в жизни не стремился.

История отвела Колчаку немного времени. Его попытка
создать в Сибири полнокровные дивизии и сформировать на-
стоящую армию окончилась крахом. Причин тому много, но эта
книга посвящена вовсе не их изучению. Уже практически через
год армия Колчака после неудачного наступления, время и на-
правление которого выбирали британские союзники, отступала

¹ О том, как англичане стравили русских в братоубийственной войне, а также
о причине поражения в ней белых см.: Стариков Н. В. Ликвидация России.
Кто помог красным победить в Гражданской войне? — СПб.: Питер, 2011.

² Власть Колчака, его верховенство над всеми белыми силами признал даже
генерал Деникин и другие командиры Белого движения. Однако ни англичане,
ни французы власть Колчака так и не признали. Это давало им возможность
не приглашать представителей России на Версальскую конференцию, на ко-
торой подводились итоги Первой мировой войны, и оставить Россию без
репараций и компенсаций.

по всем фронтам¹. В этот момент чехословацкие дивизии, которые подчинялись французскому генералу Жанену, фактически приговорили Белое движение. Чехи заняли железную дорогу, полностью перекрыв движение поездов своими эшелонами и лишив возможности эвакуировать раненых и гражданских лиц. Армия Колчака оказалась в западне: организованно отойти невозможно, нет подвоза боеприпасов. В этой ситуации белые части проявили чудеса героизма, совершив легендарный Сибирский ледяной поход. В 40-градусный мороз, бросив все тяжелое вооружение, солдаты и офицеры вместе с частью беженцев прошли вдоль железных дорог, по тайге, под ударами партизан практически через всю Сибирь. Участь раненых, больных и уехавших поездами беженцев была трагической. Поезда на заблокированной чехами дороге стали².

Тайга. Мороз. Смерть.

Фактически Белое движение было уничтожено союзниками. Яркий пример этого — судьба самого адмирала Колчака. Отдав приказ об эвакуации своей столицы — Омска, Верховный правитель в поезде с личной охраной двинулся в Иркутск. Следом за ним отправился и золотой запас³. Вот тут и начался саботаж чехов — они постоянно задерживали поезд Колчака. Суть происходившего такова: англичане и французы настаивали на передаче золотого запаса под охрану чехов, на что Колчак ответил, что лучше отдаст золото большевикам, нежели позволит вывезти его из России. Это и предопределило

¹ Английские советники навязали Колчаку самый неудачный вариант: он предусматривал одновременное наступление и на Вятку, и на Самару. 15 февраля 1919 года была обнародована секретная директива Верховного правителя России, предписывавшая наступление на всех (!) направлениях. Наступление на всех направлениях очень быстро превратилось в отступление.

² Страшные подробности этого см.: Стариков Н. В. Ликвидация России. Кто помог красным победить в Гражданской войне? — СПб.: Питер, 2011.

³ В ходе Гражданской войны к Колчаку попала примерно половина золотого запаса России.

Протоколы заседаний чрезвычайной следственной комиссии по делу Колчака

(Стенографический отчет)

Заседание
чрезвычайной следственной комиссии
21-го января 1920 г.

Попов. Вы присутствуете перед Следственной Комиссией, в составе ее председателя К. А. Попова, заместителя председателя В. П. Денике, членов комиссии: Г. Г. Лукьянчикова и Н. А. Алексеевского, для допроса по поводу вашего задержания. Вы адмирал Колчак?

Колчак. Да, я адмирал Колчак.

Попов. Мы предупреждаем вас, что вам принадлежит право, как и всякому человеку, опрашиваемому Чрезвычайной Следственной Комиссией, не давать ответов на те или иные вопросы и вообще не давать ответов. Вам сколько лет?

Колчак. Я родился в 1873 году, мне теперь 46 лет. Родился я в Петрограде, на Обуховском заводе. Я женат формально законным браком, имею одного сына в возрасте 9 лет.

Попов. Вы являлись Верховным Правителем?

Колчак. Я был Верховным Правителем Российского Правительства в Омске, — его называли Всероссийским, но я лично этого термина не употреблял. Моя жена Софья Федоровна раньше была в Севастополе, а теперь находится во Франции.

Переписку с ней вел через посольство. При ней находится мой сын Ростислав.

Попов. Здесь добровольно арестовалась г-жа Тимирева. Какое она имеет отношение к вам?

Колчак. Она — моя давнишняя хорошая знакомая; она находилась в Омске, где работала в моей мастерской по шитью белья и по раздаче его воинским чинам — больным и раненым. Она оставалась в Омске до последних дней, и затем, когда я должен был уехать по военным обстоятельствам, она поехала со мной в поезде. В этом поезде она доехала сюда до того времени, когда я был задержан чехами. Когда я ехал сюда, она захотела разделить участь со мною.

Попов. Скажите, адмирал, она не является вашей гражданской женой? Мы не имеем право зафиксировать этого?

Колчак. Нет.

Алексеевский. Скажите нам фамилию вашей жены.

Колчак. Софья Федоровна Омирова. Я женился в 1904 году здесь, в Иркутске, в марте месяце. Моя жена — уроженка Каменец-Подольской губ. Отец ее был судебным следователем или членом каменец-подольского суда. Он умер давно; я его не видал и не знал. Отец мой, Василий Иванович Колчак, служил в морской артиллерии. Как все морские артиллеристы, он проходил курс в Горном Институте, затем он был на уральском Златоустовском заводе, после этого он был приемщиком морского ведомства на Обуховском заводе. Когда он ушел в отставку, в чине генерал-майора, он остался на этом заводе в качестве инженера или горного техника. Там я и родился. Мать моя — Ольга Ильинична, урожденная Посохова. Отец ее происходит из дворян Херсонской губ. Мать моя уроженка Одессы и тоже из дворянской семьи. Оба мои родители умерли. Состояния они не имели никакого. Мой отец был служащий офицер. После Севастопольской войны он был в плену у французов и при возвращении из плена женился, а затем служил в артиллерии и в Горном Институте. Вся семья моего

отца содержалась исключительно только на его заработки. Я православный; до времени поступления в школу получил семейное воспитание под руководством отца и матери. У меня есть одна сестра — Екатерина; была еще одна маленькая сестра — Любовь, но она умерла еще в детстве. Сестра моя Екатерина замужем, фамилия ее Крыжановская. Она осталась в России; где она находится в настоящее время, я не знаю. Жила она в Петрограде, но я не имею о ней никаких сведений с тех пор, как я уехал из России.

Свое образование я начал в 6-й петроградской классической гимназии, где пробыл до 3-го класса; затем в 1888 году я поступил в морской корпус и окончил в нем свое воспитание в 1894 году. В морской корпус я перевелся и по собственному желанию, и по желанию отца. Я был фельдфебелем, шел все время первым или вторым в своем выпуске, меняясь со своим товарищем, с которым поступил в корпус. Из корпуса вышел вторым и получил премию адмирала Рикорда. Мне было тогда 19 лет. В корпусе был установлен целый ряд премий для первых пяти или шести первых выходящих, и они получались по старшинству.

По выходе из корпуса в 1894 году я поступил в петроградский 7-й флотский экипаж; пробыл там несколько месяцев, до весны 1895 года, когда был назначен помощником вахтенного начальника на только что законченном тогда постройкой и готовящемся к отходу за границу броненосном крейсере «Рюрик». Затем я пошел в первое мое заграничное плавание. Крейсер «Рюрик» ушел на восток, и здесь, во Владивостоке, я ушел на другой крейсер «Крейсер», в качестве вахтенного начальника, в конце 1896 года. На нем я плавал в водах Тихого океана до 1899 года, когда этот крейсер вернулся обратно в Кронштадт. Это было первое мое большое плавание. В 1900 году я был произведен в лейтенанты и вернулся уже из этого плавания вахтенным начальником. Во время моего первого плавания главная задача была чисто строевая на ко-

рабле, но, кроме того, я специально работал по океанографии и гидрологии. С этого времени я начал заниматься научными работами. Я готовился к южно-полярной экспедиции, но занимался этим в свободное время; писал записки, изучал южно-полярные страны. У меня была мечта найти южный полюс; но я так и не попал в плавание на южном океане.

Алексеевский. Как протекала ваша служба по возвращении? Вы поступили в Академию?

Колчак. Нет, это мне не удалось сделать. Когда я вернулся в мае 1899 года в Петроград, я затем в декабре ушел опять на восток, уже на линейном корабле, на броненосце «Петропавловск». Лето я проплавал в морском кадетском корпусе на крейсере «Князь Пожарский» и ушел на Дальний Восток.

Когда я в 1899 году вернулся в Кронштадт, я встретился там с адмиралом Макаровым, который ходил на «Ермаке» в свою первую полярную экспедицию. Я просил взять меня с собой, но по служебным обстоятельствам он не мог этого сделать, и «Ермак» ушел без меня. Тогда я решил снова идти на Дальний Восток, полагая, что, может быть, мне удастся попасть в какую-нибудь экспедицию, — меня очень интересовала северная часть Тихого океана в гидрологическом отношении. Я хотел попасть на какое-нибудь судно, которое уходит для охраны китикового промысла на Командорские острова, к Беринговому морю, на Камчатку. С адмиралом Макаровым я очень близко познакомился в эти дни, так как он сам много работал по океанографии.

Но тут произошли большие изменения в моих планах. В сентябре месяце я ушел на «Петропавловске» в Средиземное море, чтобы через Суэц пройти на Дальний Восток, и в сентябре прибыл в Пирей. Здесь я совершенно неожиданно для себя получил предложение барона Толля принять участие в организуемой Академией Наук под его командованием северной полярной экспедиции, в качестве гидролога этой экспедиции. Мои работы и некоторые печатные труды обра-

тили на себя внимание барона Толля. Ему нужно было трех морских офицеров, и из морских офицеров он выбрал меня. Я получил предложение через Академию Наук участвовать в этой экспедиции. Предложение это я принял немедленно, так как оно отвечало моим желаниям, и в декабре месяце морское министерство меня откомандировало в распоряжение Академии Наук.

Из Пирея я уехал в Одессу, затем в Петроград и в январе явился к барону Толлю и поступил в его распоряжение. Мне было предложено, кроме гидрологии, принять на себя еще должность второго магнитолога экспедиции. Там был специалист по магнитологии — Зееберг, и мне было предложено в качестве его помощника заняться и этим. Для того, чтобы подготовить меня к этой задаче, я был назначен на главную физическую обсерваторию в Петрограде и затем в Павловскую магнитную обсерваторию. Там я три месяца усиленно занимался практическими работами по магнитному делу для изучения магнетизма. Это было в 1900 году. С самого начала я работал на петроградской физической обсерватории, а детально я работал в Павловске. Наконец, экспедиция была снаряжена и вышла в июле месяце из Петрограда на судне «Заря», которое было оборудовано в Норвегии для полярного плавания строителем «Фрама». Я поехал в Норвегию, где занимался в Христиании у Нансена, который был другом барона Толля. Он научил меня работать по новым методам.

Алексеевский. Вы не можете ли сказать, кто из состава этой экспедиции в настоящее время жив и находится с вами в сношениях?

Колчак. Теперь все сношения со всеми у меня порвались. Барон Толль погиб вместе с Зеебергом, д-р Вальтер умер, с зоологом Бируля я до войны постоянно поддерживал связь; где теперь Бируля, — я не знаю. Затем был еще один большой приятель, товарищ по экспедиции, Волосович, который потом стал геологом; где он находится теперь, — я тоже не знаю.

Из офицеров там был Коломийцев, он, кажется, здесь, в Иркутске. Виделся я с ним, когда в 1917 г. он опять уходил к устью Лены.

Экспедиция ушла в 1900 году и пробыла до 1902 года. Я все время был в этой экспедиции. Зимовали мы на Таймыре, две зимовки на Ново-Сибирских островах, на острове Котельном; затем, на 3-й год, барон Толль, видя, что нам все не удастся пробраться на север от Ново-Сибирских островов, предпринял эту экспедицию. Вместе с Зеебергом и двумя каюрами он отправился на север Сибирских островов. У него были свои предположения о большом материке, который он хотел найти, но в этом году состояние льда было таково, что мы могли проникнуть только к земле Беннетта. Тогда он решил, что на судне туда не пробраться, и ушел. Ввиду того, что у нас кончались запасы, он приказал нам пробраться к земле Беннетта и обследовать ее, а если это не удастся, то идти к устью Лены и вернуться через Сибирь в Петроград, привезти все коллекции и начать работать по новой экспедиции. Сам он рассчитывал самостоятельно вернуться на Ново-Сибирские острова, где мы ему оставили склады. В 1902 году, весной, барон Толль ушел от нас с Зеебергом с тем, чтобы потом больше не возвращаться: он погиб во время перехода обратно с земли Беннетта. Лето мы использовали на попытку пробраться на север к земле Беннетта, но это нам не удалось. Состояние льда было еще хуже. Когда мы проходили северную параллель Сибирских островов, нам встречались большие льды, которые не давали проникнуть дальше. С окончанием навигации мы пришли к устью Лены, и тогда к нам вышел старый пароход «Лена» и снял всю экспедицию с устья Тиксти. Коллекции были перегружены на «Лену», и мы вернулись в Якутск, затем в Иркутск и в декабре месяце 1902 года прибыли в Петроград. На заседании Академии Наук было доложено общее положение работ экспедиции и о положении барона Толля. Его участь чрезвычайно встревожила Академию. Действительно, пред-

приятие его было чрезвычайно рискованное. Шансов было очень мало, но барон Толль был человеком, верившим в свою звезду, и в то, что ему все сойдет, и пошел на это предприятие. Академия была чрезвычайно встревожена, и тогда я на заседании поднял вопрос о том, что надо сейчас, немедленно, не откладывая ни одного дня, снаряжать новую экспедицию на землю Беннетта для оказания помощи барону Толлю и его спутникам, и так как на «Заре» это сделать было невозможно (был декабрь, а весной надо было быть на Ново-Сибирских островах, чтобы использовать лето), — «Заря» была вся разбита, — то нужно было оказать быструю и решительную помощь. Тогда я, подумавши и взвесивши все, что можно было сделать, предложил пробраться на землю Беннетта и, если нужно, даже на поиски барона Толля, на шлюпках. Предприятие это было такого же порядка, как и предприятие барона Толля, но другого выхода не было, по моему убеждению. Когда я предложил этот план, мои спутники отнеслись к нему чрезвычайно скептически и говорили, что это такое же безумие, как и шаг барона Толля. Но когда я предложил самому взяться за выполнение этого предприятия, то Академия Наук дала мне средства и согласилась предоставить мне возможность выполнить этот план так, как я нахожу нужным. Академия дала мне полную свободу и обеспечила меня средствами и возможностью это выполнить. Тогда я в январе месяце уехал в Архангельск, где выбрал себе четырех спутников из мезенских тюлене-промышленников. Со мною согласились идти еще двое из моих матросов из экспедиции — Беличев и Железняков. Когда я приехал на съезд тюлене-промышленников, они заинтересовались этим делом, выбрали мне четырех охотников, привыкших к плаванию во льду, и я с ними, с двумя матросами и четырьмя тюлене-промышленниками в декабре выехали обратно в Иркутск, чтобы здесь подготовить на севере все необходимое для того, чтобы немедленно уехать на Ново-Сибирские острова, которые я избрал как базу.